

БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ НЕ ОБОЙТИСЬ: НЕСКОЛЬКО СЛОВ В ПРОДОЛЖЕНИЕ РАЗГОВОРА О СПРАВЕДЛИВОСТИ В ТЮРЬМАХ (ПЕРЕИЗДАНИЕ 1996 Г.)

Упоров Иван Владимирович

доктор исторических наук

кандидат юридических наук

Краснодарский университет МВД России, Краснодар

Аннотация. Данная статья была опубликована автором более двадцати лет назад в рамках дискуссии о проблеме правового статуса осужденных в ИТУ (Упоров И.В. Без ограничений не обойтись: несколько слов в продолжение разговора о справедливости в тюрьмах // Человек: преступление и наказание (г. Рязань). 1996. № 3-4. С. 3-12). Однако автор счел нужным переиздать свою работу, полагая, что современные возможности издательского дела позволят ознакомиться с ней гораздо большему числу читателей. В статье ставится проблема о видах и характере ограничений основных прав и свобод человека в местах лишения свободы в отношении лиц, совершивших преступление и отбывающих за это уголовное наказание. Делаются следующие выводы: всеобщие (естественные) права человека в определенных случаях могут быть ограничены; наибольший объем ограничений (включая лишение) предусматривается для осужденных к смертной казни и тюремному заключению (по международной терминологии); ограничения в той или иной степени могут затрагивать все права лиц, содержащихся в исправительных учреждениях; учитывая огромную социальную ценность всеобщих прав в жизни общества, необходимо максимально подробно и тщательно нормативно отрегулировать пределы и характер ограничений с целью обеспечения гарантий прав осужденных.

Ключевые слова: права человека, места лишения свободы, жизнь, свобода, достоинство личности, ограничения, справедливость, законность.

**WITHOUT LIMITATION NOT DO: A FEW WORDS
IN THE COURSE OF THE CONVERSATION ABOUT JUSTICE
IN PRISONS (REISSUE 1996)**

Uporov Ivan Vladimirovich

PhD

Krasnodar University of the MOI of Russia, Krasnodar

Abstract. This article was published by the author of more than twenty years ago in the framework of discussions on the issue of the legal status of prisoners in IUT (Uporov I.V. Unrestricted not do: a few words in the continuation of a conversation about justice in prisons // Man: crime and punishment (Ryazan). 1996. № 3-4. P. 3-12). However, the author considers it necessary to reprint your job, assuming that the capabilities of publishing will enable her to get acquainted with a greater number of readers. The article raises the issue of the types and nature of the restrictions of fundamental rights and freedoms in prisons against persons who have committed a crime and serving a sentence for a criminal. Concludes: general (natural) human rights in certain cases may be limited; the largest volume restrictions (including denial) is provided for persons sentenced to the death penalty and imprisonment (international language); limitations in varying degrees, can affect the rights of persons held in prisons; given the enormous social value of universal rights in society, must be the most detailed and carefully adjust the regulatory limits and the nature of the restrictions with the aim of guaranteeing the rights of convicts.

Keywords: human rights, the place of deprivation of liberty, life, freedom, dignity of the individual, limitations, justice, rule of law.

В основных международных правозащитных документах закреплено положение о том, что всеобщие фундаментальные права человека, и прежде всего на жизнь, свободу, достоинство личности, личную неприкосновенность, принадлежат всем без исключения (см., например, Всеобщую декларацию прав человека – ст. 21-03; Международный пакт о гражданских и политических правах – ст. 6,9). Аналогичные нормы имеются в Конституции России (ст. 17, 20, 21, 22 и др.). В отношении этих прав доктор Э. Койл пишет: «Их не отнять никакой силой. Из-за того, что человек совершил проступок или нарушил закон, они также не отнимаются и не являются потерянными. Другими словами, они присущи человеку просто потому, что он человек. Кроме того, эти права неотъемлемы, т.е. никто не может их забрать, и сам человек не может отдать» [1, с. 4]. По приведенным признакам рассматриваемые права относятся к естественным. Можно добавить, что они появляются у человека в момент его рождения, реализуются объективно, непосредственно и выражают наиболее существенные возможности социального развития человека (работы А.И. Козюлина, Н.И. Матузова, Л.С. Мамута, В.А. Патюлина, Ф.М. Рудинского и др.).

Однако здесь необходимо сделать весьма существенную оговорку. Суть ее в том, что всеобщие, или универсальные, права человека («universal human rights») нельзя расценивать как неотъемлемые в буквальном, всеохватывающем смысле; в ряде случаев они все же подлежат лишению и ограничению. В этой связи утверждение о том, что данные права в равной степени должны относиться и к осужденным, нуждается, как нам представляется, в определенном уточнении. Прежде всего отметим то обстоятельство, что в самих международных документах по правам человека содержатся нормы, предусматривающие их ограничения, указываются также (в самых общих чертах) их цель и характер. Так, во Всеобщей декларации прав человека ограничения устанавливаются «исключительно с целью обеспечения должного признания

прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния» (ст. 29). В Международном пакте о гражданских и политических правах (ст. 12) объектов ограничений несколько больше; здесь речь идет также об охране государственной безопасности, здоровья и нравственности населения. В Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах (ст. 4) говорится, что государство может устанавливать ограничения лишь постольку, поскольку это совместимо с их природой. В Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод подчеркивается, что ограничения не должны применяться для иных целей, кроме тех, для которых они предусмотрены (ст. 18).

Указанные нормы вполне отвечают сложившимся особенностям общественного развития, поскольку «требовать ликвидации всяких ограничений человеческого поведения – значит, по существу, оправдывать противоправное и преступное поведение, допускать ущемление прав и интересов других лиц и общества в целом» [2, с. 72]. В частности, естественные права могут ограничиваться применительно к душевнобольным, находящимся на принудительном лечении; задержанным в уголовно-процессуальном порядке; ограничения возможны также в условиях чрезвычайного положения, военного времени. Однако наибольшая степень ограничений допускается в отношении лиц, совершивших преступления и отбывающих наказание в исправительных учреждениях.

При этом мы принимаем как аксиому справедливость определенных ограничений столь важных для человека естественных прав. В самом деле: человек, сознательно преступивший закон, представляет для общества опасность, в связи с чем он должен быть, во-первых, изолирован и тем самым лишен возможности продолжать злостворчество; во-вторых, он должен почувствовать, ощутить страдания (как физические, так и моральные), призванные внушить ему мысль о недопустимости впредь совершать преступления. Именно в этом мы видим основ-

ные цели наказания (цель исправления является, на наш взгляд, вторичной). Страдания составляют неотъемлемое свойство наказания, без которого оно теряет свой смысл и обойтись без которого невозможно, не изменяя самого существа наказания [3, с. 30-31].

Разумеется, ограничения в обладании и пользовании различными благами во время исполнения наказания в виде лишения свободы не могут быть произвольными, они должны иметь строго правовой характер. Сразу заметим, что данная проблема в России чрезвычайно актуальна и определяется, с одной стороны, возросшим значением в нашей стране социально-правовых ценностей, среди которых на первое место ставятся права и свободы человека и гражданина (ст. 2 Конституции России), а с другой – недостаточным закреплением в законодательстве вопросов содержания наказания в виде лишения свободы, правового положения осужденных, охраны и защиты их прав, что на практике выливается в нередкие еще случаи нарушения законности [4].

Рассмотрим некоторые социально-правовые аспекты вопросов, связанных с лишением и ограничением конкретных прав – на жизнь, свободу, достоинство личности и личную неприкосновенность (использована терминология Конституции России).

Жизнь является объектом уголовного наказания, то есть прямого государственного посягательства на это благо за совершение особо тяжких преступлений (ч. 2 ст. 6 Международного пакта о гражданских и политических правах, ч. 2 ст. 20 Конституции России, ст. 44,49 УК РФ). Обратим внимание на то, что во Всеобщей декларации прав человека отсутствуют нормы, предусматривающие возможность применения смертной казни, в связи с чем, на наш взгляд, несколько снижается ответственность данного акта реальному положению дел в большинстве стран мира, где наказание в виде смертной казни существует и будет существовать, вероятно, еще многие годы. Таким образом, формула «каждый имеет право на жизнь», или «право на жизнь есть неотъемле-

мое право каждого человека», – не абсолютна; этого права государство на законных основаниях – по приговору суда – может лишить и лишает своих граждан, проявивших крайнюю жестокость и нанесших обществу и конкретным лицам огромный вред.

Нам представляется также, что призывы и движения за отмену смертной казни, как и в целом за смягчение уголовных репрессий, переоценивают готовность общества пойти окончательно на эти шаги. В России в прошлом (начиная с Елизаветы Петровны) и настоящем неоднократно предпринимались попытки исключить лишение жизни из перечня уголовных наказаний. Так, в 1905 году на заседании первой Государственной Думы эта мысль весьма эмоционально прозвучала из уст депутата священника Тихвинского: «Смертная казнь не только смерть телу, но и душе ... Смертная казнь, господа, это ужасная, это нечеловеческая месть ... Господа, протестовать надо, протестовать всеми силами души против растлевающего душу и тела зла!» [5, с. 64].

Соответствующие решения принимались в советский период. Однако смертная казнь сегодня - реальность. Более того, в последнее время в нашей стране наблюдается тенденция к увеличению числа приводимых в действие «расстрельных» приговоров. Если в 1993 году государство лишило жизни пятерых преступников, то в 1995 эта цифра вплотную приблизилась к ста [6, с. 32]. Эйфория возвышенного звучания права на жизнь (включая преступников), а вместе с ней практика массового помилования «смертников», кажется, вновь проходит. А.С. Михлин вообще сомневается в социальной обоснованности этой практики [7, с. 24]. И действительно, когда в стране происходит неудержимый рост преступности, в том числе тяжких и особо тяжких, когда право на жизнь стоит под угрозой для многих законопослушных граждан – «милость к падшим» (прежде всего убийцам и насильникам) вряд ли найдет понимание в обществе. В новом УК РФ значительно усилены санкции за ряд преступлений (так, за умышленное убийство без отягчающих об-

стоятельств предусмотрено лишение свободы на срок от 6 до 15 лет, а было – от 3 до 10), и в целом наш нынешний уголовный закон, несмотря на сокращение составов преступлений, за которые возможна смертная казнь, является более суровым, чем прежний. Усиление уголовных репрессий наблюдается и в других странах, в частности, в США. Мы полагаем также, что осуществление в последние годы террористических актов с тяжелейшими последствиями в сравнительно благополучных государствах (Англии, Франции, Израиле, Германии, Японии) дает основания для постановки вопроса об усилении в этих странах уголовных репрессий за их совершение.

Такие тенденции могут вызывать, конечно же, лишь сожаление. Но, увы, они отражают реальное состояние современного общества, отдельных членов которого, как и во все предшествовавшие времена, ничто не может остановить от преступных деяний; за наиболее тяжкие из них государство вынуждено лишать даже «божественного» права на жизнь, удовлетворяя общественные ожидания в суровом возмездии за совершенное зло. Иначе общество поступить пока не может: здесь совокупные эмоции (возмущение, гнев, ярость) как реакция на злодеяние влияет на законодателя и суд сильнее, чем совокупный разум и трезвый расчет (а именно эту позицию занимает доктор Э. Койл).

Другим фундаментальным человеческим благом, составляющим объект уголовного наказания, является свобода. Ограничение права именно на эту социальную ценность стало сегодня наиболее применяемым эквивалентом-наказанием за преступления самого разного рода, пройдя многовековой путь от слепой, обезличенной, жестокой мести и талиона до уголовного правосудия. Однако правовое регулирование ограничений свободы оставляет желать много лучшего. Прежде всего отметим то обстоятельство, что ни в международных, ни в отечественных правовых актах не дается определения понятия «свобода».

Между тем в философской и правовой литературе разброс мнений об этой категории весьма широкий [8; 19; 20]. Возникает вопрос о том, что под разумевать под свободой в контексте ее ограничения за совершенное преступление. На наш взгляд, под свободой следует понимать деятельность, поведение, действия человека, совершенные по желанному выбору, исходя из собственных убеждений, интересов, потребностей без принуждения, угрожающего жизни и другим наиболее важным для данного человека ценностям, в соответствии с нормами права и приносящие своими результатами определенное удовлетворение. Это обобщенное понятие разделяется на отдельные составляющие, важнейшие из которых закреплены, в частности, во второй главе Конституции России. Ограничения каких из них наиболее ощутимы для осужденных, содержащихся в исправительных учреждениях? По данным нашего опроса в колониях общего и строгого режимов, таковыми являются: свобода передвижения (34,2 %); выбора рода деятельности (39,6 %); личная свобода, т.е. свобода общения с тем, с кем пожелаешь (27,4 %) и возможность проводить время по своему усмотрению (12,0 %); политические свободы (8,3 %). Указанные ценности закреплены в ст. 23-32,34,37 Конституции России.

Анализ российского законодательства показывает, что ограничения перечисленных свобод отрегулированы явно недостаточно и неопределенно. Так, согласно ст. 22 ИТК РСФСР осужденные в соответствии с Правилами внутреннего распорядка ИТУ могут передвигаться в пределах колонии. Однако эта формулировка слишком общая, она лишь частично приемлема, например, к колониям особого режима. Более жесткие ограничения вытекают из других норм уголовно-исполнительного права. В соответствии со ст. 53 ИТК РСФСР (ст. 113 проекта УИК РФ [9]) осужденные могут быть подвергнуты дисциплинарному воздействию в виде водворения в ШИЗО и перевода в ПКТ, где свобода передвижения ограничивается, не считая прогулок, размерами камер. Иная ситу-

ация в колониях-поселениях; здесь осужденные могут свободно передвигаться в пределах учреждения, но опять-таки данная свобода не предписана законодательно, а вытекает из положения о том, что осужденные находятся без охраны, но под надзором (ст. 66 ИТК РСФСР). К тому же указанные категории (охрана, надзор) законодательно также не разъяснены, что определенным образом осложняет правоприменительную практику. Это относится и к изолированным участкам в исправительных учреждениях полузакрытого типа (колонии общего и строгого режимов, а также колонии особого режима с содержанием в обычных жилых помещениях); в ИТК РСФСР (так же как и в проекте УИК РФ) о них даже не упоминается, хотя они существенно ограничивают свободу передвижения осужденных. Наиболее остро данная проблема касается учреждений закрытого типа (колонии особого режима с камерным содержанием и тюрьмы), где осужденные длительное время и большую часть суток находятся в запертых камерах. В этом смысле заслуживает внимания тюремная практика в Англии; так, в тюрьме строгого режима в Гартри камеры закрываются лишь с 9 вечера до 7 утра [10, с. 35].

С учетом изложенного мы полагаем целесообразным ввести уголовно-исполнительную норму о том, что осужденные, содержащиеся в исправительных учреждениях, лишаются свободы передвижения по территории Российской Федерации, а также возможности выезжать за ее пределы; во время отбывания наказания свобода передвижения осужденных ограничивается пределами соответствующих учреждения или камеры, а в случаях, указанных в законе, также пределами изолированных участков.

Свобода выбора рода деятельности для осужденных может быть охарактеризована прежде всего регулированием их труда, а точнее возможности выбора того или иного вида трудовой деятельности по своему желанию. Эта свобода для всех граждан нашей страны предусмотрена ст. 37 Конституции России. Для осужденных альтернативы нет

– они обязаны работать (ст. 37 ИТК РСФСР, ст. 101 проекта УИК РФ). Такое ограничение представляется оправданным, поскольку многолетний опыт деятельности пенитенциарных учреждений во всем мире доказывает полезность привлечения осужденных к общественно полезному труду, в первую очередь имея в виду их ресоциализацию.

Длительное время свобода труда ограничивалась таким общественно-экономическим фактором, как отсутствие в стране иных форм собственности, кроме государственной, в результате чего осужденные, как и большинство граждан, могли (обязаны были) трудиться только на госпредприятиях. В последние годы положение резко изменилось. У осужденных появилась возможность заниматься индивидуально-трудовой деятельностью, а также предпринимательством (ст. 37 ИТК РСФСР, ст. 17,21,23 Закона РФ Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, соответствующие инструкции, утвержденные приказами МВД РФ № 453 от 14.12.1992 г. и № 517 от 30.11.1993 г.). Но если введение первой формы труда не вызывает сомнений, поскольку предполагает личную работу материального характера и укрепляет трудовые навыки, то допущение предпринимательской деятельности является, на наш взгляд, явным «перехлестом», возникшем на рыночной волне: свобода труда осужденных расширена без достаточных на то оснований. Государство не должно быть обязано удовлетворять экономические интересы лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы, в столь сложной сфере, как предпринимательство. Это не значит, однако, что осужденным вообще запрещен данный вид деятельности. Такое право у них остается, они могут реализовать его через своих представителей, посредством доверенностей, путем переписки и т.д. Важно только, чтобы исправительные учреждения не связывали себя имущественными и иными обязательствами с осужденными.

Соответствующего правового регулирования требуют также вопросы, связанные с ограничениями личной свободы осужденных и политических свобод. В частности, мы считаем, что нет необходимости нормативно лимитировать число краткосрочных свиданий и телефонных переговоров: они должны предоставляться исходя исключительно из материально-технических возможностей учреждений и самих осужденных. Кроме того, в предусмотренное расписанием дня личное время осужденные не должны быть связаны никакими обязательными массовыми мероприятиями. Что касается политических свобод осужденных, то о них в уголовно-исполнительном законодательстве даже не упоминается, что мы расцениваем как существенный недостаток, поскольку, во-первых, указанные ценности весьма значительны для граждан, в связи с чем они и закреплены как в международно-правовых актах, так и в Конституции России, и, во-вторых, отсутствие соответствующих норм делает проблематичным решение вопросов по некоторым политическим свободам (печати, собраний и т.д.). Поэтому в уголовно-исполнительный закон следует включить, по нашему мнению, положение о том, что во время отбывания наказания осужденные лишаются избирательного права, свободы демонстраций, шествий, пикетирования; проведение собраний, митингов допускается с разрешения администрации учреждений; свобода деятельности общественных объединений и организаций осужденных ограничивается вопросами улучшения бытовых условий осужденных, их духовного и культурного развития и контролируется администрацией учреждений.

Таким образом, к формуле «каждый имеет право на свободу» также необходимо делать оговорку об относительности этой свободы.

Довольно сложной представляется проблема ограничения фундаментального права человека на достоинство личности, о котором доктор Э. Койл упоминает в своей статье несколько раз. Дело в том, что достоинство как социальное благо не является объектом уголовного нака-

зания (в отличие от жизни и свободы). Наказывая за преступление, т.е. подвергая каре, карая, государство не ставит при этом цели унижить человеческое достоинство. Данное положение закреплено в нормах уголовного (ст. 7 УК РФ) и уголовно-исполнительного (ст. 1 ИТК РСФСР, ст. 3,11 проекта УИК РФ) законодательства.

Соответствующие нормы содержатся и в международно-правовых документах. Однако фактически наказание (в виде лишения свободы) при его исполнении в определенной мере все же принижает достоинство личности. На это обстоятельство указывали, в частности, Ю.М. Антонян, А.И. Васильев, В.Б. Малинин, Н.Т. Медведева, С.Н. Пономарев. Так, И.С. Ной, говоря о «тяжких моральных страданиях», которым подвергается осужденный в колонии, задается в значительной мере риторическим вопросом: «Разве можно считать, что нахождение человека в заключении не унижает его человеческого достоинства?!» [11, с. 64-65]. И в самом деле: уже сам факт водворения свободного человека, образно говоря, в клетку, в некоторой степени ущемляет его достоинство. Но это, повторим еще раз, не цель, а следствие, причем неизбежное, реализации наказания в виде лишения свободы; подчеркнем – следствие собственного и сознательного деяния преступника, что является его первопричиной. Признание такого подхода имеет принципиальное значение, он позволяет не уклоняться от изучения данной проблемы, прикрываясь вышеприведенными законодательными формулировками, а, напротив, тщательно исследовать факторы, в наибольшей степени влияющие на ограничение достоинства и тем самым способствовать приведению их соответствие с требованиями социальной справедливости.

По данным опроса в колониях общего и строгого режимов унижение в той или иной степени достоинства, т.е. ущемление прежде всего чувства самоуважения как человека, личности, в период отбывания наказания испытывают 86,6 % осужденных. Чаще всего это происходит во

время полного личного обыска осужденных (ст. 22 ИТК РСФСР, ст. 14 Закона РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», ст.62 проекта УИК РФ). Процедура его проведения, регламентированная Инструкцией о надзоре за осужденными, содержащимися в исправительно-трудовых колониях (приказ МВД РФ № 290 от 17.06.1993 г.), предусматривает, в частности, полное обнажение и осмотр тела и его органов. Согласно указанным нормам такому обыску подвергаются все без исключения осужденные как минимум 4-6 раз в год (нарушители режима гораздо чаще).

В существенной мере на достоинство личности в российских пенитенциарных учреждениях влияют жилищные условия. Согласно ст. 62, 64, 65 ИТК РСФСР (ст. 119, 121, 123 проекта УИК РФ) в колониях общего, строгого и особого (за исключением содержащихся в камерах) режимов осужденные проживают в «обычных жилых помещениях». Законом данное понятие не определено, в связи с чем Ю.М. Антонян пишет: «А что же в действительности представляют собой эти таинственные «обычные жилые помещения»? Как правило, это огромные, не разделенные на комнаты и иные помещения бараки, в которых живет до ста, а иногда и более человек, причем часто койки расположены в два яруса ... постоянно, круглые сутки находясь среди других лиц, осужденный становится как бы голым, он в значительной степени лишается возможности уединиться, уйти в себя, задуматься о себе, о содеянном и о своей вине, своей жизни и ее перспективах, об ответственности перед близкими и т.д.» [12]. О «мучительном» характере «вынужденного общего сожительства» арестантов писал Ф.М.Достоевский [13, с. 41]. Необходимо признать, что многие отрицательные явления в советских (российских) учреждениях, живучесть в них «воровских» традиций, уродливой «арестантской» субкультуры имеют корни как раз в подобных обычных жилых помещениях, «рассчитанных на полное подавление личности» [14, с. 23].

В наших учреждениях фактором, ущемляющим достоинство личности, является также одежда «единого образца». Введенные несколько десятилетий назад ватные куртки («фуфайки»), хлопчатобумажная «спецовка», кирзовые сапоги, «деревянные» ботинки, морально давно устаревшие и крайне неудобные в пользовании, до сих пор выдаются осужденным, превращая их в безликие фигуры. О «жалком, комичном виде», который придает арестантская одежда, писал Л. Мельшин [15, с. 120].

Назовем еще один фактор - внешний вид учреждений. В большинстве случаев колонии огорожены далеко не эстетического вида заборами со многими рядами колючей проволоки, вышками для часовых конвойной охраны. Установленные когда-то, видимо, в тридцатых годах, они ассоциируются с печально известными концлагерями [16, с. 54]. Мы полагаем, что в силу того, что наказание в виде лишения свободы сопряжено с наибольшим объемом правоограничений, то вопрос о том, где осужденному предстоит их претерпевать в течение нередко многих лет, должен быть отражен в более полном виде, в том числе это касается и требований к внешнему виду основных сооружений и ограждений, которые не должны возбуждать чрезмерно тягостных впечатлений.

Можно ли нейтрализовать указанные факторы? Первый из них (обыски) – нет, поскольку они безусловно необходимы (цель – профилактика правонарушений). Однако порядок их производства должен быть отрегулирован, по нашему мнению, не в ведомственном акте, а в законе, причем следует четко указать, что при проведении обысков не должно допускаться излишних моральных страданий. Вопрос с преобразованием «обычных жилых помещений» в нормальные жилые комнаты (на несколько человек) и внешним видом колоний связан с огромными материальными затратами и зависит от общего экономического положения в стране; на обозримое будущее перспектив, очевидно, нет. По поводу одежды выход может быть следующий: разрешить осужденным носить в расположении общежитий, клубе, на спортплощадке соб-

ственную одежду, предусмотрев обязательную верхнюю одежду для мероприятий преимущественно режимного характера.

Мы полностью поддерживаем доктора Э. Койла в том, что право на достоинство личности осужденных в тюрьмах во многом зависит от отношения к ним персонала. В этой связи вряд ли оправданно, например, предписываемое осужденным обращение к персоналу с использованием слова «гражданин». Это понятие наполнено высоким общественным и правовым смыслом и звучанием, оно и должно быть таким, но в силу введения его в оборот в пенитенциарную сферу приобрело некий криминалообразный оттенок. Вообще, на наш взгляд, отношения между персоналом и осужденными должны в большей степени определяться общепринятыми в обществе моральными нормами. В этом отношении с исторической точки зрения заслуживает внимания норма, заложенная в Инструкцию смотрителю губернского тюремного замка (1831 год!), где в п. 235 предписывается, что «смотритель обходится с находящимися под надзором его арестантами кротко и человеколюбиво. (подчеркнуто нами – И.У.); он старается приобрести их к себе доверенность расспрашиванием о нуждах их, доставлением иногда некоторых пособий, ласковыми при трудах разговорами; но в исполнении своих обязанностей поступает со всей точностью и твердостью» [17, с. 23]. Нужно прямо признать, что тексты современных уголовно-исполнительных правовых актов как раз, наоборот, отличаются удивительной сухостью, «сверхрационализацией», отвлеченностью от особенностей межлических отношений.

О необходимости уважения человеческого достоинства осужденных к тюремному заключению подчеркивается в международных документах по правам человека, в том числе касающихся сферы исполнения уголовных наказаний (ст. 10 Международного пакта о гражданских и политических правах, ст. 65 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными и др.). Однако мы полагаем, что положение о том,

что все лица, лишенные свободы, имеют право на гуманное обращение и уважение достоинства, присущего человеку («all persons deprived of their liberty shall be treated with humanity and with respect for inherent dignity of human person») требует уточнения. Например, в Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания под пыткой имеется в виду любое действие, которым причиняется сильная боль или страдание, физическое или нравственное (ст. 1). Между тем в этой же статье зафиксировано, что «в это определение не включаются боль или страдания, которые возникают лишь в результате законных санкций или вызываются ими случайно». Отсюда вытекает, по меньшей мере, возможность причинения боли и страданий при реализации законных санкций (к которым, безусловно, относится и уголовное наказание), и такие боль и страдания не являются пыткой.

Данный момент мы считаем чрезвычайно важным, он перекликается с отмеченным ранее тезисом о том, что наказание в виде лишения свободы неизбежно причиняет физические страдания и ущемляет достоинство личности, поскольку это неотъемлемое свойство наказания, без которого оно теряет свой смысл. Таким образом, в указанной Конвенции пусть косвенно, но подтверждается возможность ограничения права на достоинство.

С учетом изложенного представляется точнее говорить не об уважении достоинства лиц, содержащихся в исправительных учреждениях (невозможно, например, соблюдать право на это благо, раздевая осужденного донага и ощупывая, даже при изысканной вежливости персонала), а об уважении их прав и свобод, которые хотя и ограничены, но в этих, ограниченных объемах, требуют такой же охраны и защиты, как и для всех граждан, поскольку, как совершенно верно замечает доктор Э. Койл, справедливость не должна заканчиваться у тюремных ворот.

Право на личную неприкосновенность осужденных во время отбывания наказания также неизбежно ограничивается (те же личные обыски, обыски жилых помещений, цензура корреспонденции, прослушивание телефонных переговоров).

В целом мы можем констатировать следующее:

1. Всеобщие (естественные) права человека в определенных случаях могут быть ограничены.
2. Наибольший объем ограничений (включая лишение) предусматривается для осужденных к смертной казни и тюремному заключению (по международной терминологии).
3. Ограничения в той или иной степени могут затрагивать все права лиц, содержащихся в исправительных учреждениях.
4. Учитывая огромную социальную ценность всеобщих прав в жизни общества, необходимо максимально подробно и тщательно нормативно отрегулировать пределы и характер ограничений с целью обеспечения гарантий прав осужденных. В этой связи мы поддерживаем предложение о разработке специальной международной конвенции об ограничениях прав человека [18, с. 46], которая может послужить соответствующим ориентиром для национальных законодательств. Кроме того, мы полагаем целесообразным создание примерного Международного пенитенциарного кодекса, куда могут быть включены Минимальные стандартные правила обращения с заключенными и другие международно-правовые пенитенциарные документы, а также новые нормы, определяющие принципы, порядок и условия исполнения уголовных наказаний.

Список использованных источников

1. Койл Э. Справедливость не заканчивается у тюремных ворот // Человек: преступление и наказание. 1996. № 2. С. 4.
2. Кудрявцев В.Н. Закон, поступок, ответственность. М., 1986. С. 72.
3. Ной И.С. Вопросы теории наказания в советском уголовном праве. Саратов, 1962. С. 30-31.
4. Доклад о соблюдении прав человека в Российской Федерации за 1993 год / Доклад Комиссии по правам человека при Президенте РФ // Рос. газета. 1994. 25 авг.
5. Речь священника Тихвинского на заседании первой Государственной Думы // Малиновский А. Кровавая месть и смертные казни. Томск, 1908. Приложение LI. С. 64.
6. Последняя надежда для убийц / Интервью с председателем Комиссии по помилованию при Президенте России // Преступление и наказание. 1996. № 3. С. 32.
7. Михлин А.С. Еще раз о милости к падшим // Преступление и наказание. 1996. № 5. С. 24.
8. Шлайфер Н.Е. Свобода личности и исторический детерминизм. М., 1983. С. 5.
9. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации. Проект // Юридический вестник. 1995. № 3-4.
10. Лекомцев В., Бабушкин А. Английская тюрьма глазами россиян // Преступление и наказание. 1996. № 2. С. 35.
11. Ной И.С. Теоретические вопросы лишения свободы. Саратов, 1965. С. 64-65.
12. Антонян Ю.М. Что же такое лишение свободы? // Личность преступника и исполнение уголовных наказаний. М., 1991. С. 4.
13. Достоевский Ф.М. Записки из мертвого дома. М., 1983. С. 41.

14. Щелкунов С.А. Видеть в осужденном человека // Воспитание и правопорядок. 1991. № 9. С. 23.
15. Мельшин Л. В мире отверженных (записки бывшего каторжника). СПб., 1907. С. 120.
16. Рожков С.А. Концепция уфимцев эффективна // Проблемы перестройки деятельности органов, исполняющих наказания в виде лишения свободы. Уфа, 1991. С. 54.
17. Сборник узаконений и распоряжений по тюремной части. Пермь, 1903. Приложение 10. С. 23.
18. Бахин С.Б. О классификации прав человека в международных соглашениях // Правоведение. 1991. № 2. С. 46.
19. Логанов И.И. Свобода личности. М., 1980. С. 10.
20. Самченко В.Н. Размышления о свободе // Философские науки. 1991. № 4. С. 9-10.